

УДК 2-745(470.1/.2)(091)«17/18»+348(0454)

ПАВЛУШКОВ Александр Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России. Автор 59 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий

ЕПАРХИАЛЬНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ ЦЕРКОВНОГО НАКАЗАНИЯ XVIII–XIX веков

На основе архивных материалов в статье реконструируется епархиальное судопроизводство в практике применения церковного наказания на Европейском Севере России. Рассматривается компетенция епархиального суда, правовые основы и особенности его статуса и функционирования. В статье представлены некоторые, наиболее интересные документы, раскрывающие процесс реализации судебных функций церкви. Дается анализ ряда юридических источников, носивших частный (именной) характер, которые в итоге расширили судебно-правовое поле церкви в дополнение к действующему законодательству.

Ключевые слова: *Русская православная церковь, Синод, церковная юрисдикция, пенитенциарная практика монастырей, колодники, именные церковные инструкции, церковное судопроизводство.*

Вопрос о роли епархиального суда в системе наказания церкви представляет прежде всего теоретический интерес, т. к. позволяет более полно воссоздать историческую картину формирования институциональных основ Русской Православной Церкви (РПЦ). Обращение к этой теме обусловлено противоречивостью сложившего стереотипа о том, что правовой статус церкви в имперский период имел законченный вид и, как следствие, строго определенное правовое поле. Однако обращение к различным видам архивных источников церковного и государственного делопроизводства позволяет утверждать, что проявление различных сторон деятельности церкви пред-

ставляло собой сплав сложившихся традиций с воплощением норм светского и церковного законодательства, а точнее с приспособлением, притиранием их к друг другу. Исторически сформировавшиеся таким образом формы церковного управления из чисто человеческих элементов сами по себе ни для какой частной церкви не были безусловно обязательными, их принятие основывалось на практических и условно-исторических соображениях¹. Как нигде это наглядно проявлялось в практике применения церковного наказания.

В период XVIII–XIX веков происходит жесткое перераспределение судебных властных полномочий между государством и церковью.

Обвальная секуляризация проявилась в изъятии многих судебных прав церкви, что значительно сузило сферу ее юрисдикции. Целая серия императорских указов была посвящена регламентации судебных функций церкви². Местный духовный суд был сосредоточен в консистории и проводился под непосредственным руководством епархиального архиерея. Сфера его деятельности была ограничена пределами епархий и касалась в основном лиц духовного звания.

Отражением этого процесса явилось появление именных судебных церковных инструкций. Они выдавались Святейшим Синодом отдельным архимандритам на право осуществления судебных полномочий. Отличием их было то, что они, во-первых, имели конкретного адресата; во-вторых, спектр обозначенных судебных полномочий, несмотря на типовую схожесть, все-таки отличался (в каждом случае перечень судебных полномочий перечислялся отдельно с указанием специфики). Данные инструкции являлись важнейшим источником церковного права и были особенно распространены в XVIII веке. Их появление являлось следствием огромного числа коллизий, когда за одни и те же преступления устанавливалась подсудность правонарушителей различным судебным инстанциям: государственным и церковным. Инструкции уточняли судебную компетенцию архимандритов для предотвращения появления противоречий.

Большинство инструкций касалось правонарушений со стороны священнослужителей и монахов. Например, «Инструкция, данная архимандриту Лаврентию, определенному в низовой поход в качестве обер-иеромонаха», выданная 22 мая 1722 года, в жесткой форме устанавливала пределы субъектной компетенции. Он мог рассматривать только «духовные дела» в отношении лиц духовного звания³. Инструкция четко определяла правовой статус архимандрита. Он контролировал исполнение священниками обязанностей в соответствии с Духовным Регламентом, принимал челобитные с жалобами на духовных лиц и вел по ним расследования, наказывал правонарушителей.

Параграф 13 предусматривал возможность применения различных форм наказания: штраф и «держание в узах» (тюремное помещение при монастыре). Обращает на себя внимание тот факт, что в документе используется более шадящая терминология, не соответствующая требованиям светского уголовного судопроизводства. Различные противоправные действия, совершавшиеся духовными лицами, называются преступлениями, однако сами они именуются «недобросовестными священниками», а не преступниками и даже не правонарушителями. Если они совершали «важные преступления, то для изыскания вины их надлежало арестовывать, о преступлениях их посылать в Синод обстоятельные доношения»⁴.

Помимо инструкций, предназначенных для расследования дел исключительно в отношении духовенства, Святейшим Синодом издавались судебные инструкции, которые значительно расширяли полномочия архимандритов. В «Инструкции, данной Ипатьевского монастыря архимандриту Серапиону на управление Костромским духовным приказом» указывалось, что власть назначенного архимандрита распространяется на всех духовных и светских лиц монастыря с целью «надлежащую им расправу по указам чинить и являющихся в преступлениях по монастырскому обычаю наказывать». Инструкция предусматривала возможность наложения наказания на священнослужителей и церковнослужителей в следующих случаях: пьянство, бродяжничество, самовольные отлучки, нарушение одежды, причинение шума в церкви и на улице, участие в кулачных боях, посещение кабаков, сон на улице в пьяном виде, участие в ссорах и «обидах» с населением. Инструкция давала право архимандриту самостоятельно устанавливать форму наказания за вышеуказанные правонарушения. При этом предписывалось «наказывать жестоко...», чтобы священники «на себе хранили благообразие»⁵.

Обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве случаев компетенция архимандритов в отношении мирян не определена. Суд над ними осуществлялся на основании иных

документов (императорских указов, постановлений Святейшего Синода).

Особенно сложным и долгим было судебное следствие по делам, связанным с обвинением духовных лиц в совершении политических, государственных преступлений, принадлежностью к расколу. Решения по таким делам согласовывались различными государственными инстанциями. В большинстве случаев они заканчивались смертным приговором или заключением в монастырь. Отсутствие единых нормативных документов, предусматривающих ссылку в монастырь как самостоятельный вид наказания, порождало путаницу в судопроизводстве. Даже в условиях петровской эпохи, когда был выработан унифицированный подход к делопроизводству, механизм церковного суда оставался по-прежнему громоздким, страдал излишней волокитой и бюрократизированностью. Монастырская ссылка все более превращалась в элемент религиозно-традиционного права, не регулировавшегося светским законодательством. Решение о ссылке в монастырь базировалось на существующем опыте, политических прецедентах, исторической традиции, что не отвечало требованиям светского государства. Во многом обострению этой проблемы способствовал тот факт, что в России существовала двойная система судопроизводства, что усложняло и в определенной степени тормозило развитие законодательства⁶.

К началу XIX века, когда в исправительной системе наметилась линия на коренные изменения, направленные на усиление пенитенциарных начал, на повестку дня встал вопрос о возможном использовании монастырей в новом качестве. Речь идет о придании монастырской ссылке изначально заложенной функции исправления преступника путем системы нравственно-воспитательных мероприятий. Это потребовало окончательно разрешить проблему о разграничении светского и духовного судопроизводства. Первой такой серьезной попыткой стали «Правила судопроизводства о преступлениях, учиненных духовными лицами» от 22.11.1823 года. К ведению духовного суда

стали относиться все проступки и преступления, совершенные лицами духовного звания, за исключением уголовных. Механизм самого судопроизводства включал пять пунктов. Расписывались мероприятия духовного суда от получения с мест доношения о преступлении до оглашения приговора в консистории. Особо выделялась роль благочинного (непосредственно вел дознание) и епархиального архиерея (руководил епархиальным судом). Здесь же указывались три основания для ссылки в монастырь духовенства⁷. Кроме того, отдельно фиксировались правила для ссылки монашествующих⁸.

В 40-е годы XIX века были приняты два основополагающих документа: «Устав духовных консисторий» 1841 года и «Уложение о наказаниях» 1845 года. Оба источника разграничивали церковную и государственную юрисдикции. В то же время процедура судопроизводства технически была разработана слабо. Особенно «страдал» от отсутствия регламентации епархиальный суд. Однако сложившаяся годами практика духовного суда, хоть и не снимала многие противоречия, все-таки подгоняла и притирала его к реалиям того времени. В этом отношении особенно наглядной является реконструкция местного судопроизводства, предшествующего вынесению приговора о ссылке в монастырь. Принципиальными здесь будут два момента:

1. Монастырская ссылка – особый вид наказания, которому обычно предшествовали другие виды наказания. Она содержит в себе комплекс исправительных мероприятий, поэтому процедура судопроизводства была более тщательна, чем при рядовых случаях.

2. Духовные и светские суды по характеру и содержанию отличались друг от друга в практике использования монастырской ссылки. При вынесении приговора о ссылке в монастырь гражданскими судами требовалось согласие духовных властей. Гражданские суды не могли назначать конкретный монастырь, а выносили лишь общее решение о назначении, сроках церковного покаяния или епитимьи. Не раскрывалось в этом случае и содержание церковного наказания. Это оставалось прерогативой духовных

властей, которые уже после решения светского суда, назначали конкретную обитель в качестве места заключения, расписывали необходимые воспитательные мероприятия, обосновывали ссылку нормами канонического права.

Еще одной особенностью судопроизводства в решении дел о назначении монастырской ссылки было то, что субъектами отношений духовного суда были одновременно лица духовного и светского звания. Светские суды могли назначить монастырское наказание только в отношении светских лиц. Исключения составляли те случаи, когда по уголовным делам духовенства светские суды принимали решение о передаче материалов дела в епархию или Святейший Синод. Естественно, что роль духовного суда в этом случае была значительно шире. Косвенно это подтверждает и тот факт, что доля ежегодно ссылаемых в монастыри светских лиц в 50–60-е годы XIX века составляла примерно $\frac{1}{4}$ от сосланного духовенства⁹.

Остановимся подробнее на специфике духовного судопроизводства в практике применения монастырской ссылки. Духовный суд был сосредоточен в консистории и проводился под непосредственным руководством епархиального архиерея. Сфера его деятельности была ограничена пределами епархий. В отличие от светского суда источниками духовного судопроизводства были нормы светского и канонического права, а именно: гражданские уставы, Духовный Регламент, высочайшие указы императора, определения Святейшего Синода, Правила Святых Апостолов, Святых Вселенских и Поместных Соборов, Священное Писание¹⁰. Как уже было сказано выше, ведению епархиального суда подлежали люди светского и духовного звания. Однако между ними были существенные различия. Духовенство подлежало епархиальному суду в следующих случаях:

1. «по жалобам на духовные лица со стороны светских и духовных лиц за нанесенные обиды по долговым обязательствам,

2. по взаимным спорам по использованию движимого и недвижимого имущества,

3. по проступкам и преступлениям против должности, благочиния»¹¹. Сюда относились нарушения должностных обязанностей, самовольный уход с места службы, пьянство, грубость, сквернословие и т. д. Именно в этих случаях чаще всего использовали монастырскую ссылку как исправительное средство. Действительно, архивные источники различных регионов дают богатый материал о ссылке духовенства за пьянство¹², «непристойные поступки»¹³, незаконное венчание родственников, малолетних¹⁴, нарушения правил венчания (например, венчание в ночное время¹⁵), кражи¹⁶, прелюбодеяние¹⁷, драки¹⁸.

Ссылка в монастырь для священно- и церковнослужителей, как правило, сопровождалась понижением в должности, выполнением определенных монастырских обязанностей. Срок ссылки обычно не регламентировался и мог продолжаться бесконечно долго в зависимости от тяжести преступления и раскаяния преступника. В таких случаях в решении суда следовала формулировка «держать неисходно»¹⁹. Лишь Устав духовных консисторий более четко отразил сроки заключения в монастыре. Максимальный срок ссылки в монастыре для духовенства стал равняться 6 мес.²⁰ Однако на практике сроки не всегда соблюдались. Известны случаи, когда в 1864 году за пьянство бессрочно ссылали священнослужителей в Велико-Устюжский Михайло-Архангельский монастырь²¹ и Новгородский Вяжищеский монастырь²².

Анализ архивных материалов позволяет утверждать, что следственные дела могли начинаться по доношениям священников-инквизиторов²³, жалобам прихожан²⁴, монахов²⁵. Во всех приведенных случаях суд вынес приговор о ссылке в монастырь. Встречаются и необычные случаи. Например, в 1714 году по жалобе монахов духовный суд сослал в Оттенскую пустыню архимандрита Серапиона²⁶. Ссылка в монастыри руководящих должностных лиц духовенства также не была редкостью, что подчеркивает типичность ее использования²⁷. Однако решение в этом случае принималось Святейшим Синодом.

В ведении епархиального суда находились и лица светского звания:

- «1. по делам о браках, совершенных незаконно,
2. по делам о расторжении браков,
3. по случаям достоверности браков и законности детей,
4. по проступкам и преступлениям»²⁸.

Формы церковного наказания в этом случае могли быть различными и необязательно содержали ссылки на определенные нормы. Монастырская ссылка назначалась по правонарушениям, обозначенных в первом и четвертом пунктах, причем статья 158 Устава духовных консисторий дает прямое указание о наложении епитимьи (которая могла проходить в форме монастырского подначальства) на светских лиц не только за преступления, но и за проступки. Это означало, что правовое поле применения монастырской ссылки было достаточно широким, что подтверждается и документально. Так, в Новгородском архиве обнаружены два любопытных документа XVIII века: «Поправки канцеляриста Луки Илигарева о содержании колодников за 1746–1754 гг.» и «Поправки канцеляриста Филимона Иванова о содержании колодников за 1746–1754 гг.»²⁹. Согласно им в данный период в Новгородской губернии в 12 различных монастырях находилось 80 колодников, наказанных за укрывательство беглых, прелюбодеяние, двоеженство³⁰, бегство с места жительства, «ложный сказ слова и дела»³¹, из них 32 – лица светского звания, причем 2 – несовершеннолетние.

Порядок епархиального судопроизводства был достаточно сложным. Основаниями для начала судопроизводства могли являться: 1. Сообщения должностных лиц с подведомственных мест. 2. Донесения благочинного; 3. Жалобы от духовных лиц. 4. Замечания в клировых ведомостях. 5. Иные сведения, дошедшие до епархиального архиерея. 6. Собственные признания виновного³².

После этого начиналось само следствие, которое могло быть формальным и неформальным. Дело в том, что епархиальное судопро-

изводство было двух видов: через архиерея и через консисторию. *Архиерейское судопроизводство* включало в себя негласное дознание, без письменных протоколов и свидетельских показаний. Оно проводилось тогда, когда обвиняемый совершал проступки впервые или случайно, без явного нанесения вреда. Кроме того, неформальное дознание рассматривалось как первичная форма следствия в отношении руководящих духовных лиц, чья репутация и статус требовали особого подхода. Епархиальный архиерей поручал благочинному или доверенному духовному лицу провести скрытое расследование, после чего обвиняемый вызывался в консисторию для беседы. Архиерей мог не ограничиться нравоучительными увещаниями, а назначить более серьезное наказание, например двухнедельную епитимью в монастырь³³. Никаких документов в этих случаях не полагалось. Такая скрытность делопроизводства мешает полностью восстановить общую картину характера использования монастырской ссылки из-за абсолютного отсутствия документации по делам подобного рода.

Во всех других случаях назначалось следствие, которое проводила консистория. Чем важнее было преступление, тем скорее и тщательнее оно расследовалось. Состав епархиального суда включал 5-7 человек. Они избирались из руководящих лиц духовенства: архимандритов, игуменов, протоиереев, иереев, и утверждались Святейшим Синодом. Деятельность епархиального суда велась коллегиально. Каждый член консистории имел право на самостоятельное суждение, причем особое мнение обязательно фиксировалось в журнале для протоколов. Возглавлял епархиальный суд епископ. При начале расследования консистория опиралась на подведомственные ей места и лица: духовные правления, благочинных, настоятелей монастырей и других лиц, имеющих особые должности (например, церковного старосту, казначея монастыря)³⁴. Консистория либо поручала расследование дела конкретной инстанции, либо назначала доверенных лиц. В первом случае вся полученная информация

поступала секретарю консистории и после ее обработки заслушивалась членами консистории. Во втором случае материалы следствия направлялись лично епархиальному архиерею, который после первичного знакомства, адресовал их в консисторию для обсуждения и вынесения приговора.

Во время следствия снимались свидетельские показания о случившемся происшествии. Обвиняемый и свидетели должны были прочитать и подписать следственные листы. Обязательным условием было подтверждение объективности проведения процедуры дознания. И обвиняемый, и свидетели должны были письменно сообщить, довольны ли они следствием, а если нет, то почему. При получении следственного дела консистория проверяла правильность его производства и, при необходимости, могла направить его на дополнительное расследование. Секретарь консистории и столоначальники по материалам следствия готовили доклад. Они составляли экстракт – общую выписку (а точнее, подборку) гражданских и церковных законов, на которые можно было сослаться при предъявлении обвинения лицу, в отношении которого производились следственные действия или проверялись факты, указанных в доносах. Составление экстрактов носило частно-локальный характер и не было повсеместно распространенным явлением. Его составляли, чтобы придать следствию и судебному процессу более легитимный, убедительный характер. Экстракт включал в себя ссылку на конкретные нормативно-правовые акты или выдержки из различных законов (обычно от 5 до 10), с указанием статей, преступления и вида наказания³⁵. Секретарь консистории давал первичную оценку преступлению и рекомендовал возможные меры наказания на основании действующих законов. На заслушивание дела консистория могла вызвать обвиняемого, например, если он по каким-то причинам не подписывал следственные листы. Однако при вынесении приговора согласия подсудимого не требовалось.

Следует обратить внимание, что во время следствия обвиняемый находился в специаль-

ном помещении при архиерейском доме или в монастыре³⁶. Следствие тянулось достаточно долго (от нескольких месяцев до нескольких лет). Это объяснялось прежде всего большим объемом административно-управленческой нагрузки консистории. В силу того, что компетенция консистории была достаточно большой, и ей приходилось заниматься различными вопросами, малочисленный административный аппарат епархиального управления должным образом не справлялся с поставленными задачами, а это приводило к волоките, затягиванию дел. В постановлениях Синода периодически обращалось внимание на необходимость более быстрой и организованной работы епархий по проведению следственных мероприятий. Однако проблема по-прежнему оставалась неразрешенной. В итоге, в соответствии со статьей 315 Устава духовных консисторий, было принято решение о том, что «дела по арестантам в Присутствии консистории рассматриваются вне очереди»³⁷.

Судебные решения имели силу при наличии не менее 3 голосов, которые должны были быть запротоколированы³⁸. Епархиальный архиерей мог не согласиться с решением консистории и наложить свою резолюцию, которая и подлежала исполнению. При вынесении решения о церковном наказании епархиальный суд назначал дополнительные меры воздействия воспитательного характера, например, назначал увещателя, церковные поклоны, монастырские работы³⁹.

При рассмотрении дел в отношении духовенства в гражданских судебных местах назначался духовный депутат⁴⁰, который участвовал в ходе расследования, имел право полного голоса при вынесении приговоров. Духовный депутат собственноручно снимал копии следствия и направлял их в епархиальное руководство. Общий ход расследования контролировал губернатор. Он «охранял права духовенства и монашествующих»⁴¹, контролировал выдачу кормовых денег ссыльным⁴². Земский суд мог перенести судебное разбирательство в саму консисторию, и даже передать дело епар-

хиальному суду. Обвиняемый в этом случае вызывался в консисторию по решению земского суда через благочинного⁴³. Мирское общество и Казенная палата также имели право принимать решение о ссылке в монастырь, но с утверждения губернатора на основании постановления Сената от 30 сентября 1832 года «О предоставлении Казенным Палатам рассматривать приговоры мещанского и крестьянских обществ о людях развратного поведения обоего пола»⁴⁴. Причиной такого постановления послужило решение Вологодского мещанского общества о наказании плетью и высылке мещанки Андреевой за ложные показания и развратное поведение⁴⁵. Однако Казенная палата отказалась от исполнения приговора в силу того, что на тот момент законодательство такого права ей не давало.

Параллельная система судопроизводства, существовавшая в России, порождала правовые коллизии, в т. ч. и по делам, касающимся ссылки в монастырь. В 1773 году Тотемское духовное правление приговорило к ссылке в Тотемский Спасо-Суморин монастырь на 2 месяца священника В. Иванова⁴⁶. Будучи в нетрезвом виде, он унес из питейного дома ящик с деньгами. Светские власти сочли объявленное наказание слишком мягким и самостоятельно начали повторное расследование, а в адрес духовного правления было направлено определение о необходимости пересмотра дела. В результате повторного разбирательства священник был сослан повторно, но в более дальний Сайгонский монастырь на полгода⁴⁷.

Возникали и более необычные случаи из-за совпадения полномочий духовных и светских судов. В 1821 году Тотемский земский суд приговорил дьячка А. Попова к ссылке за пьянство.⁴⁸ Однако консистория сочла возможным не согласиться с решением земского суда в силу того, что дела подобного рода, на основании указов Святейшего Синода от 16 июля 1817 года и от 5 августа 1820 года «Об искоренении между духовенством предосудительных поступков и пьянства», должен решать духовный суд. В результате началось новое разби-

рательство уже по линии епархиального суда, который повторно назначил ссылку, но изменил содержание и сроки наказания. Любопытно, что причиной для указов послужили участвовавшие случаи пьянства среди духовенства именно в Вологодской епархии⁴⁹.

Таким образом, судопроизводство России XVIII–XIX веков, базировавшееся на нормах церковного и светского права, нельзя было назвать совершенным, т. к. санкционировать ссылку в монастырь могли и духовные, и светские власти. Однако наиболее активно использовал монастырскую ссылку епархиальный суд, который принципиально отличался от светского и имел право ссылать как светских, так и духовных лиц. Правовое поле использования данного вида наказания было достаточно широким, его назначали не только за преступления, но и за дисциплинарные проступки. В то же время монастырскую ссылку чаще всего назначали за более тяжкие деяния, когда другие меры воздействия не оказывали положительного эффекта. Именно поэтому судебное разбирательство проводилось с особой тщательностью. Сложность и запутанность системы духовного судопроизводства мешали эффективно бороться с правонарушениями и в определенной степени искажали смысл наказания. Следствие (перед ссылкой в монастырь) могло продолжаться несколько лет⁵⁰. Все это время подследственные находились на предварительном заключении в монастырях, а в их следственном деле ставилась пометка «содержать до суда под стражей»⁵¹.

В то же время с конца XVIII века наблюдается тенденция к унификации духовного и светского судопроизводства. Кроме того, с середины XIX века усиливается роль епархиального суда в назначении монастырской ссылки. Это было вызвано двумя моментами: 1. Не хватало специальных помещений в монастырях для светских ссыльных, а их поток увеличивался. Вследствие чего монастыри испытывали серьезные трудности и отвлекались от своих прямых функций, о чем неоднократно Синод докладывал правительству⁵². 2. Начался пересмотр дел светских лиц, сосланных в мона-

ИСТОРИЯ

стыри. По итогам этой работы многим из них монастырская ссылка была заменена на домашнюю церковную епитимью⁵³.

Анализ судебного разбирательства дает право утверждать: церковная машина судопроизводства была зажата и ограничена сложившимися традициями и особенностью восприятия наказания клиром, что в условиях

противостояния с государством ослабляло эффективность церковного наказания. Формулировки судебных решений и в XVIII, и в XIX веке часто носили расплывчатый характер, что подчеркивало, с одной стороны, ограниченность правомочий церковного суда, а с другой – зависимость его от государственной карательной системы.

Примечания

¹Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. М., 2000. Т. 1. С. 192.

²Полное собрание законов Российской Империи. Т. 6, № 3870. 1830.

³Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. 1872. Т. 2, № 630.

⁴Там же. П. 14.

⁵Там же. № 582.

⁶Сергиевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. С. 391–394.

⁷ПСЗ-I. 1830. Т. 38, № 29711. П. 5, 8, 12. С. 1340–1341.

⁸Там же. П. 11. С. 1340–1341.

⁹Вологод. епарх. ведомости. 1868. 1 июня. С. 260–262.

¹⁰ПСЗ-II. СПб., 1830–1885. Т. 16, Ч. I. № 14409. Ст. 1, 6. С. 222.

¹¹Там же. Ст. 158. С. 240.

¹²ГАЯО (Гос. арх. Ярослав. обл.). Ф. 230. Оп. 1. Д. 480, 1177, 1906, 2214, 4042, 5672, 5865.

¹³Там же. Д. 1898, 4487, 4872.

¹⁴Там же. Д. 13, 1514, 1515, 1874.

¹⁵ГАВО (Гос. арх. Вологод. обл.). Ф. 1041. Оп. 1. Д. 21. Л. 427.

¹⁶ГАНО (Гос. арх. Новгород. обл.). Ф. 513. Оп. 1. Д. 566. Л. 1об.

¹⁷Там же. Ф. 480. Оп. 1. Д. 493. Л. 10, 11об.

¹⁸ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4991. Л. 10.

¹⁹ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 493. Л. 11.

²⁰ПСЗ-II. СПб., 1830–1885. Т. 16, Ч. I. № 14409. Ст. 199, 200. С. 246–247.

²¹ВУФ ГАВО. Ф. 436. Оп. 1. Д. 106. Л. 8–11.

²²ГАНО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 1338. Л. 12–15.

²³Там же. Ф. 480. Оп. 1. Д. 101.

²⁴ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4991. Л. 37; ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 45.

²⁵ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–4.

²⁶Там же. Д. 19. Л. 1–5.

²⁷Там же. Д. 20, 40, 45, 58, 116, 152, 270, 287, 971, 493. Л. 2, 3, 14.

²⁸ПСЗ-II. СПб., 1830–1885. Т. 16. Ч. I. № 14409. Ст. 158. П. 2. С. 240.

²⁹ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 493. Л. 3–7, 8–12об.

³⁰Обычно за такие правонарушения ссылали женщин-солдаток, которые, не имея в течение длительного времени известий от мужей, незаконно вступали в браки с жителями соседних деревень или городов.

³¹ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 493. Л. 3–7, 8–12об.

³²ПСЗ-II. СПб., 1830–1885. Т. 16. Ч. I. № 14409. Ст. 163. С. 241.

³³Там же. Ст. 165. С. 248.

³⁴ПСЗ-II. СПб., 1830–1885. Т. 16. Ч. I. № 14409. Ст. 4. С. 222.

³⁵ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2250. Л. 5; Д. 3881. Л. 19об.; 4991. Л. 37.

³⁶ГАВО. Ф. 519. Оп. 1. Д. 189. Л. 61.

³⁷ПСЗ-II. СПб., 1830–1885. Т. 16. Ч. I. № 14409. Ст. 315. С. 257.

³⁸Там же. Ст. 324. С. 258.

³⁹ВУФ ГАВО. Ф. 436. Оп. 1. Д. 106. Л. 6–8; Ф. 363. Оп. 1. Д. 2250. Л. 2; Д. 4737. Л. 1–2.

⁴⁰Там же. Т. 1, № 12. С. 20; Т. 12. № 10303. П. 46. С. 372.

⁴¹Там же. Т. 12. № 10303. П. 46. С. 372.

⁴²Там же. П. 266. С. 420–421.

⁴³ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 476. Л. 29об.

⁴⁴ПСЗ-II. СПб., 1830–1885. Т. 7. № 5631. С. 645.

⁴⁵Там же. С. 645–646.

⁴⁶ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2020. Л. 9, 29.

⁴⁷Там же. Л. 29–29об.

⁴⁸ВУФ ГАВО. Ф. 363. Оп. 1. Д. 476. Л. 80.

⁴⁹ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 37. № 28133. С. 406.

⁵⁰ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 493. Л. 8, 10–11, 13–13об.

⁵¹Там же. Д. 13. Л. 1–4.

⁵²Вологодские епархиальные ведомости. 1868. 1 июня. С. 260.

⁵³Там же. С. 262.

Pavlushkov Aleksandr Rudolfovich
VILE of the FPS of Russia (Vologda, Russia)

EPARCHIAL COURT PROCEDURES IN THE PRACTICE OF ECCLESIASTICAL PUNISHMENT IN THE 18TH–19TH CENTURY

On the basis of archive materials the author reconstructs eparchial court procedures in the practice of ecclesiastical punishment in the European North of Russia. He considers competence of the eparchial court, legal framework and peculiarities of its status and functioning. The article presents some of the most interesting documents that reveal the process of performing judicial functions by the Church. The author presents an analysis of a number of legal sources of personal (nominal) character that eventually expanded judicial and legal framework of the Church in addition to the existing legislation.

Keywords: *Russian Orthodox Church, Apostolic Governing Synod, church jurisdiction, penitentiary practice in monasteries, convict in the stocks, personal church instructions, ecclesiastical court procedures.*

Контактная информация:
e-mail: apavlushkov@yandex.ru

Рецензент – *Голдин В.И.*, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения и международных отношений института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова